

Б.М. Миркин и метод Браун-Бланке в палеоботанике

Выдающийся российский фитоценолог и организатор этой науки, Б.М. Миркин внес существенный вклад в становление парасинтаксономии – раздела палеогеоботаники, занимающегося классификацией древних растительных сообществ по методу Браун-Бланке.

Прелюдией к этому послужило знакомство Бориса Михайловича с крупнейшим отечественным палеоботаником и теоретиком биологии С.В. Мейеном. Как вспоминал позднее Борис Михайлович, «инициатором установления отношений выступил сам Сергей Викторович. Фамилия его мне была знакома, но тогда еще я не особенно интересовался общими проблемами и, уткнувшись носом в фитоценологическую софистику, был вполне удовлетворен той нишей, которую занимал в науке. В 1978 году я получил письмо, написанное на бланке оргкомитета VIII Международного конгресса по стратиграфии и геологии карбона, где секретарем оргкомитета был Сергей Викторович. Письмо было краткое. Неизвестный мне Мейен сообщал, что ему часто дают редактировать статьи по ботанике из “Журнала общей биологии” и что он заинтересован в увеличении контингента пишущих авторов. Он в библиотеке пролистал мою монографию “Закономерности развития растительности речных пойм” (М., Наука, 1974), увидел там схему сукцессионных связей с ветвлениями и возвратами, и этот сукцессионный плюрализм задел какую-то из многочисленных струн его интеллекта (позже я понял, какую именно – С.В. терпеть не мог «скоропалительно-однозначных» истин в последней инстанции). С.В. предложил мне написать статью о сравнении эволюции на уровне организмов и сообществ».

Постепенно установилось сотрудничество, со временем перешедшее в личное знакомство и глубокую взаимную симпатию. «И началась моя “ЖОБиана”, – вспоминал Б.М., – каждый год я писал по теоретической статье и по несколько критических рецензий, постепенно сектор за сектором перелопачивая фитоценологию. С.В. по договоренности получал статьи неофициально, читал их, делал замечания (всегда более чем умеренно) и рекомендовал в печать. Так продолжалось девять лет подряд, включая последнюю

статью¹, опубликованную в 1987 году и посвященную сравнительному анализу таксономии и синтаксономии.

Наши личные контакты были немногочисленными, хотя и очень теплыми и дружескими, так как С.В. был по-настоящему компанейским человеком. Любил, чтобы его слушали, и умел слушать сам. Но говорил он и умел так необычно видеть очевидные вещи, что, как правило, я в основном слушал. А потом думал об услышанном по несколько дней. Наша первая встреча в Москве состоялась у станции метро “Новокузнецкая”. Мы друг друга в глаза не видели и договорились, что опознавать меня будет он, так как у меня все же были усы, а он никаких достопримечательностей о своей внешности сообщить не мог. Я ждал кого угодно, только не совсем молодежь и худощавого человека в демисезонном пальтишке и простой кроличьей шапке. Он тут же закурил сигарету, я поддержал компанию, и прокурили мы больше часа, после чего отправились к нему в лабораторию и он показал мне кое-какие образцы.

Наверно года через четыре после этого мы встретились у него дома. Мы собирались провести, как он сам говорил, “симпосий на кухне” много раньше, но все не было времени. Мои командировки в Москву были короткими, да и у С.В. нередко на вечер было что-то назначено. Наконец, мы встретились у него дома, я познакомился с его внуком Петей-Петушком, женой Ритой. <...>

Последний раз года за два до трагической кончины С.В. мы посетили Мейенов с К.О. Коротковым. Нас ждали, на столе стояла “Столичная”. С.В. как-то странно посмотрел на жену и сказал: “Рит, я вообще-то только два дня принимаю лекарства, сегодня я уж с ними посижу, а завтра начну все с начала”. Болезнь подступала к С.В., хотя никто тогда не мог знать, чем все это кончится. <...>

Последний раз я увидел С.В. почти случайно. В одном из институтов он читал лекцию о СТЭ и

¹ Миркин Б.М. Таксономия и синтаксономия: черты различия и сходства // Журн. общ. биол. – 1987. – Т. 48. – № 1. – С. 41–50.

ее критике. <...> С.В. был настроен весьма решительно и четко изложил свои возражения по многим пунктам СТЭ. <...> С.В. спокойно выслушивал замечания, и чувствовалось, что он предвкушает возможность острой дискуссии. Отвечал он убедительно, но понимали его, увы, плохо, так как собравшиеся экспериментаторы очень неважно ориентировались в методологии современного познания и перечисляемые С.В. фамилии ведущих философов не вызывали у аудитории никаких ассоциаций, она в большинстве своем продолжала верить в однозначность и скорую познаваемость любых законов природы.

Мы поздоровались, но поговорить не смогли, так как несколько “китов” решили пообсуждать с С.В. проблемы СТЭ в более узком кругу. <...>

После этого между нами внезапно завязался очень интенсивный диалог в письмах, и менее чем за год С.В. прислал мне четыре больших письма.

Кроме того, в это же время я прислал С.В. последнюю из просмотренных им статей, которая была навеяна чтением монографии В. Гранта о видообразовании², а С.В. в это время начал заниматься чем-то вроде “палеофитоценологии” и размышлял над возможностями реконструкции не только истории флор, но и истории растительности. Таким образом, мои “Основы” оказались ему полезными для того, чтобы познакомиться с тем видением фитоценологии, которого я придерживался.

Проблемы сравнения синтаксономии и таксономии были для него еще ближе, так как классификация оставалась для С.В. постоянной темой, которая иногда звучала в его работах как главная, иногда модулировалась во второстепенную, но присутствовала практически во всех его трудах. Если запутана классификация существующих организмов и их сообществ, то каково палеоботаникам, для которых разные части одного экземпляра оказываются в разных таксонах, а остатки сообществ настолько изменены неодинаковыми условиями захоронения разных сообществ, различной способностью к сохранению у разных видов, и кроме того – приносом фоссилий извне, что классифицировать эти фитоориктоценозы крайне рискованно. И С.В. искал возможности классифицировать и виды, и их сочетания, причем максимально упорядочивая накопленную информацию и облегчая ориентацию в ней (вспомним его “привилегированные” и вспомогательные классификации) он не хотел своей системой закрыть возможности дальней-

ших усовершенствований. Именно эти сложности классификации палеоботанических объектов были во многом близки к задачам классификации континуального объекта, которым являлась растительность, и по своему духу были близки интересам С.В.

Можно смело сказать, что за десять лет общения С.В. дорастил меня до того уровня, когда как собеседник я стал ему интересен. И именно на этой фазе общения они оборвались...

После выхода моих “Теоретических основ”³ С.В. написал мне письма от 2 мая и 29 июня 1986 года, из которых совершенно очевидно, что он попал под их влияние. Приведу отрывок из письма от 2 мая:

“Вашу книжку прочли мои мальчишки и мы много ее обсуждали за чаепитиями. Мне показалось, что Вы, когда писали книгу, не очень осознали, что континуалистская концепция закладывает мину под селекционизм типа СТЭ. Можно даже сказать, что в отношении ботаники (растений) континуализм несовместим с СТЭ. Эта эволюционная теория совместима лишь с ультраорганизмизмом. Если связи таксонов в ценозах оказываются довольно слабыми, а связи синтаксонов с типами биотопов неизоморфными, то вообще получается высокая степень автономии таксонов и синтаксонов. Что может быть хуже для представлений о монополии отбора?”

Чтение Вашей книги было для меня очень важно. Вроде бы порознь я слышал почти обо всем, но было недосуг сложить разрозненное в конструкцию. Эта конструкция и сложилась во время чтения. Я все время прокручивал каждый Ваш пассаж применительно к геологическому прошлому. Многое я раньше в это прошлое не проецировал. В результате начинает складываться некая пока еще очень общая картина флорогенеза вместе с экогенезом, складывается кодекс примитивности таксонов, синтаксонов и флор не в рецентной синхронии, а в исторической, документированной палеоботаникой диахронии. Думается, что растительный мир развивался (как и отечественная геоботаника) от большей дискретности к большей континуальности. Я давно пришел к выводу, что леса внетропических зон примитивны, а тропические леса продвинуты. Самая примитивная современная лесная растительность – сибирская тайга. С травянистой растительностью то же. Девонский травянистый покров – сплошные pure stands причем повсеместно. В тропиках зарождались новые крупные таксоны, новые типы организации синтаксонов, а

² Грант В. Видообразование у растений. – М.: Мир, 1984. – 528 с.

³ Миркин Б.М. Теоретические основы современной фитоценологии. – М.: Наука, 1985. – 137 с.

дальше шел «полярностремительный» спрединг, в котором леса отставали. Думаю, что экваториальные леса карбона были устроены так же, как нынешние бореальные леса. Организмичность синтаксонов – признак примитивности их. Все как в социальной сфере, где в развитых обществах все больше размываются классы и сословия, все труднее выделять кластеры для социологических обследований. Много еще в голове и всего не напишешь в письме. Так или иначе – поздравляю с книгой. Это для меня *книга года*»⁴.

* * *

Я был одним из тех «мальчишек», которые с подачи С.В. Мейена, прочли и вдохновились идеями «Теоретических основ современной фитоценологии» Б.М. Другим был тогда молодой, подававший большие надежды палинолог Е.В. Зырянов, который в 1992 году эмигрировал в США и вскоре был вынужден уйти из науки.

Через некоторое время, заметив мой растущий интерес, С.В. принес мне все имевшиеся в его библиотеке книги и оттиски статей по палеоэкологии и фитоценологии. С тех пор они хранились у меня. Тогда же С.В. обратил мое внимание на метод Браун-Бланке, успешно примененный для триасовой растительности Австралии американским палеоботаником Г. Реталляком. В СССР почти в те же годы элементы метода Браун-Бланке использовал в своей известной «Палеоэкологии наземных растений» В.А. Красилов (Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1972). С.В. предложил мне заняться этой темой, в том числе разработать свою версию адаптации метода Браун-Бланке к ископаемому материалу. Конкретным материалом должны были послужить детальные сборы растительных остатков из опорных разрезов перми по рекам Адзъва и Большая Сыня (Печорский угольный бассейн и Печорское Приуралье). С.В. обещал познакомить меня с Борисом Михайловичем, но сделать это я смог лишь спустя некоторое время после его преждевременной кончины в марте 1987 года.

Случилось это во время одного из приездов Б.М. в Москву. Мы встретились и познакомились на биофаке МГУ. До этого обменялись несколькими письмами. Я показал Б.М. черновые варианты составленных парциальных синтетических таблиц и рассказал о некоторых своих идеях в части применения метода Браун-Бланке к ископаемому материалу. Б.М. очень благожелательно воспринял мои начинания, сделал ряд

ценных комментариев, в том числе в части преобразования фитоценологических таблиц, в технике обработки которых у меня не было никакого опыта.

После обсуждения Б.М. пригласил меня отобедать с ним в университетской столовой. Мои попытки расплатиться были пресечены им вежливо, но бесповоротно. Во время свободного общения Б.М. начал раскрываться с весьма неожиданных сторон – передо мной был не только выдающийся теоретик, театрал и любитель классической оперы, о которой он мог говорить долго и вдохновенно, но настоящий артист. Например, Б.М. великолепно подражал и пародировал, с ходу вживаясь в образ. Юмор его был тонким, местами искрометным, язык – образным и сочным. Он великолепно держался перед аудиторией, мастерски дискутировал. В споре знал, когда смолчать, а когда – броситься в бой, иногда безоглядно. И был он, несмотря на мирную внешность, человеком не робкого десятка, а скорей бойцом с большим боевым опытом. Волевым, целеустремленным, хорошо державшим удар. Я был очарован, и это впечатление сохраняется у меня до сих пор.

При этом Б.М. был тонким психологом, тонко чувствующим и глубоко понимавшим людей, подлинную мотивацию их мыслей и поступков. Всерьез интересовался практической психологией. Ему случалось обманываться, как в случае с А. Соломещем, на которого он рассчитывал как на своего преемника, но обмануть его было трудно.

* * *

Как и следовало ожидать, через некоторое время у меня возникли трудности с публикацией статей браун-бланкистской направленности. «Палеонтологический журнал» не брал их как слишком ботанические, «Ботанический журнал» – как формалистические и идейно вредные. Анонимные рецензенты встали стеной. И здесь на помощь опять пришел опытнейший, стратегически мыслящий Б.М., сумевший «провести» мои публикации сквозь полосу рифов в «Биологических науках» и «Журнале общей биологии».

Вообще, надо сказать, что Б.М. был великим организатором науки, таким как, скажем, Э. Майр, надолго сделавший упоминающуюся выше СТЭ господствующим течением в биологическом эволюционизме. Б.М. – подлинный основатель российского браун-бланкизма, его полководец и стратег. На этом поприще у него были предшественники, даже ученики самого Ж. Браун-Бланке, вроде О.С. Гребенщикова, но не было равных ему по масштабам создателей. Можно лишь восхищаться тем, как удалось Б.М., ис-

⁴ Миркин Б.М. Проблемы теории фитоценологии в размышлениях С.В. Мейена // Мат-лы Симпозиума, посвященного памяти С.В. Мейена. Москва, 25–26 декабря 2000 г. – М.: ГЕОС, 2001. – С. 76–95.

пользуя известную «стратегию не прямых действий» Б. Лиддел-Гарта, бескровно одолев господствовавший в советской и российской фитоценологии доминантный подход, адепты которого на дух не принимали метод Браун-Бланке. Избегая прямых столкновений с влиятельными оппонентами, Б.М. сосредоточил свои усилия на подготовке кадров. Консультировал специалистов и стажеров, проводил семинары, всесоюзные совещания, международные школы и школы-семинары. Устанавливал международные связи. Организовывал подготовку и защиту кандидатских диссертаций браун-бланкистской направленности, преподавание соответствующих

дисциплин в вузах. Шел от периферии страны к ее центру, к главным оплотам доминантного подхода, постепенно приходившим в упадок. В результате прошло всего два десятка лет, и фитоценологов-браунбланкистов стало значительно больше, чем представителей прежде господствовавшего течения. Возникли целые научные школы. Метод Браун-Бланке проник за свои традиционные границы, в ту же палеоботанику – в палеофитоценологию и палеофитогеографию.

Бурно развивающийся российский браунбланкизм – лучший памятник Б.М. Миркину, замечательному человеку и ученому.

И.А. Игнатьев